

ХАРУКИ
МУРАКАМИ

ХАРУКИ МУРАКАМИ

ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА

сборник рассказов

Москва
2022

УДК 821.521-32
ББК 84(5Япо)-44
М91

Haruki Murakami
ICHININSHO TANSU
(First Person Singular)

Copyright © 2020 Harukimurakami Archival Labyrinth
Originally published by Bungeishunju Ltd., Tokyo.

Перевод на русский язык *Андрея Замилова*
Под редакцией *Максима Немцова*

Мураками, Харуки.

М91 От первого лица : сборник рассказов / Харуки Мураками ; [перевод с японского А. Т. Замилова]. — Москва : Эксмо, 2022. — 192 с.

ISBN 978-5-04-157337-9

Новый сборник рассказов Харуки Мураками.

В целом он автобиографический, но «Кто может однозначно утверждать, что когда-то произошло с нами на самом деле?».

Все это воспоминания, но затронутые темы актуальны всегда.

Казалось бы, мы все уже знаем о Харуки Мураками. А вот, оказывается, есть еще истории, которыми автор хочет поделиться.

О чем они? О любви и одиночестве, о поиске смысла жизни, в них мистические совпадения, музыка, бейсбол. Воспоминания, бередящие душу и то, что вряд ли кому-то сможешь рассказать. Например, о том, что ты болтал за кружкой пива с говорящей обезьяной.

Или о выборе пути: «Выбери я что-нибудь иначе, и меня бы здесь не было. Но кто же тогда отражается в зеркале?»

Вот такой он, Харуки Мураками — с ним хочется грустить, удивляться чудесам, быть честным с собой, вспоминать собственные мистические совпадения в жизни. Захочется опять послушать Beatles, джаз и «Карнавал» Шумана.

УДК 821.521-32
ББК 84(5Япо)-44

© Замилов А.Т., перевод на русский язык,
2022

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2022

ISBN 978-5-04-157337-9

К каменной подушке

Хотел бы рассказать вам об одной женщине, но при этом *совсем* ничего о ней не знаю: ни как ее зовут, ни как она выглядит. Хоть убейте, не вспомню. Наверняка она — тоже.

Мне, второкурснику, тогда еще не исполнилось и двадцати. Она выглядела лет на двадцать пять. Мы подрабатывали какое-то время в одном ресторане, случайно провели вместе одну-единственную ночь и с тех пор не виделись.

В свои девятнадцать я толком не разбирался в собственных чувствах и, само собой, понятия не имел, что может твориться на сердце у других. Но тем не менее считал, будто догадываюсь, отчего мы радуемся или грустим. Вот только клубок таких чувств пока распутать не мог, а это часто не давало мне покоя и лишний раз напоминало о моей собственной беспомощности...

Но я все равно хочу о ней рассказать.

Я знал, что она серьезно увлекается поэзией танка и даже выпустила сборник стихов. Звучит

солидно — «сборник», да только его страницы в простенькой обложке сшиты были чуть ли не бечевкой от воздушного змея. Даже не самиздат — самоделка. Но отдельные строки запали мне в душу. Стихи почти все — о любви между мужчиной и женщиной, а еще о смерти. Как бы в знак того, что любовь и смерть неразделимы.

Неужели мы
С тобою так далеки,
Что до тебя мне
Добираться транзитом
Только через Юпитер?

Приложив ухо
К каменной подушке, я
Хорошо слышу
Тишину — так совсем не
Шумит бегущая кровь

— Знаешь, кончая, я могу кричать имя другого человека. Ты не против? — спросила она. Мы голышом лежали под одеялом.

— Наверное, нет, — ответил я, хоть и не был уверен. Зачем мне возражать по такому пустяку, это же просто имя. Что с того?

— Может, я буду орать во всю глотку.

— А вот этого не стоит, — поспешно ответил я. Стены в деревянном доме, где я снимал квартиру, были тонкими и хрупкими — чем-то похожи на вафли, которые я любил в детстве. Час стоял поздний, закричи она громко — услышат все мои соседи.

— Ладно, тогда я зажму в зубах полотенце, — сказала она.

Я принес из закутка умывальника полотенце поновей и попрличней и положил рядом с подушкой.

— Такое годится?

Точно лошадь, примеряющая новое грызло, она попробовала несколько раз прикусить полотенце. И кивнула: сойдет.

Я особо ее не хотел да и ей вряд ли был нужен. Так, случайная связь. Пару недель мы поработали в одном заведении, но поболтать с ней толком никак не удавалось — разве что мимоходом. Той зимой я мыл посуду и помогал на кухне в итальянском ресторане на Ёцуя, недалеко от университета. А она была официанткой. Почти все, кто там подрабатывал, были студентами, а она нет. Возможно, поэтому, как мне казалось, и держалась наособицу.

В середине декабря она увольнялась, и однажды после работы несколько человек из наших отправились в *идзакаю* по соседству¹. Меня тоже позвали. Вряд ли затевалась прощальная вечеринка: примерно час мы просто пили пиво, слегка закусывали и дружески болтали. Тогда я и узнал, что до ресторана ей пришлось порабо-

¹ И д з а к а я — тип японского неформального питейного заведения, в котором посетители выпивают после рабочего дня. Функционально они схожи с ирландскими пабами. — *Здесь и далее прим. переводчика, кроме оговоренных особо.*

тать в небольшой конторе по найму жилья, потом в книжном магазине. Она призналась, что нигде не сходилась характерами с начальством. В ресторане обошлось без размолвок, но тут слишком мало платят, вот и приходится подыскивать новое место.

— Чем собираешься заняться? — поинтересовался кто-то.

— Без разницы, — ответила она, почесывая возле носа. (Там, будто созвездие, ютились две маленькие родинки.) — Все равно вряд ли подвернется что-нибудь приличное.

Я тогда снимал квартиру в районе Асагая, она — в Коганэи¹, поэтому с Ёцуи нам было по пути. В вагоне мы сидели рядышком. Двенадцатый час, ночи уже холодные — порывами дул осенний ветер. Оглянуться не успели, а уже пора носить перчатки и шарфы.

Электричка подъезжала к Асагае. Встав, я собрался выходить, но тут она посмотрела на меня снизу вверх и тихо спросила:

— Можно к тебе?

— Ладно. А что так?

— До Коганэи далеко.

— У меня тесно. И беспорядок, — предупредил я на всякий случай.

— Не имеет значения, — ответила она и вцепилась в рукав моего пальто.

¹ По расстоянию Коганэи примерно вдвое дальше от Ёцуи, чем Асагая.

Вот так и оказалась она в моей тесной неказистой квартире. Сперва мы неспешно пили пиво из банок. Когда пиво закончилось, она, нисколько не стыдясь, шустро разделась прямо у меня на глазах и нырнула в постель. Тогда я тоже разделся и забрался под одеяло. Свет погасил, однако от пламени газовой печки в комнате было светло. Под одеялом мы неуклюже пытались согреть друг дружку. Сперва лежали молча: о чем говорить, вдруг оказавшись голышом, если честно, я понятия не имел. Постепенно одеревенелые тела наши согревались, и мы начали ощущать друг дружку буквально всей кожей. Интимнее не бывает.

Тут-то она и сказала:

— Знаешь, кончая, я могу кричать имя другого человека. Ты не против?

Я принес полотенце.

— Он тебе нравится?

— Да. Очень, — ответила она. — Нравится сильно-сильно, только о нем и думаю. А вот я ему — ничуть. К тому же у него есть подруга.

— Но вы встречаетесь?

— Ага. Только он зовет меня, когда хочет мое тело, — сказала она. — Словно еду заказывает по телефону.

Я не знал, что ответить, и потому молчал. Она водила пальцем по моей спине, будто рисовала. Или же просто упражнялась в скорописи иероглифов.

— Он говорит, что я *дурнушка*, но тело у меня — высший класс.

Мне она *дурнушкой* совсем не показалась, хотя назвать ее красавицей тоже было нельзя. Правда, сейчас это лицо я совсем не вспомню и описать уже не смогу.

— Но, если зовет, идешь?

— Еще бы — он же мне нравится. Что мне остается? — произнесла она так, будто это в порядке вещей. — Что ни говори, а иногда хочется мужской ласки.

Я задумался над ее словами. «Иногда хочется мужской ласки». Что при этом должна чувствовать женщина? В том возрасте мне такое и на ум не приходило (но, если вдуматься, и теперь я это вряд ли понимаю).

— Полюбить человека — знаешь, это вроде как получить душевное расстройство, которое не покрывается медицинской страховкой, — спокойно произнесла она — как по писанному.

В ответ я лишь хмыкнул.

— Ты тоже можешь смело думать не обо мне, а о ком-нибудь другом, — предложила она. — У тебя же есть любимая девчонка?

— Есть, — ответил я.

— Вот и хорошо. Будешь кончать — кричи ее имя сколько влезет. Мне все равно.

У меня в те годы была подруга, с которой по разным причинам мы никак не могли сделаться ближе, но имя ее кричать я все же не стал. Уже

собрался было, но счел, что это глупо, и кончил молча. А вот она и впрямь открыла рот, чтобы закричать, поэтому пришлось быстро сунуть ей в рот полотенце. Ну и крепкие же у нее были зубы... Любому стоматологу на радость. Даже не помню, что за имя она тогда попыталась назвать, — какое-то заурядное, таких полно. Но помню, что меня восхитило, как много значит для женщины даже такое невидное имя. Порой сердце человеческое трепещет от самых обыкновенных имен.

С утра по университетскому расписанию у меня значилась лекция, потом мне предстояло сдать вместо зачета важный реферат, но, разумеется, все пошло насмарку (и аукнулось мне позже, но это уже другая история). Насилу проснувшись около полудня, мы вскипятили чайник, намешали себе растворимого кофе и поджарили на завтрак тосты. В холодильнике оставалось несколько яиц, их мы тоже сварили и съели. На прозрачном небе — ни облачка, ослепительный утренний свет... И жуткая вялость.

Жуя тост с маслом, она поинтересовалась, на каком факультете я учусь. Я ответил, что на филологическом.

— Хочешь стать писателем? — спросила она.

Я честно признался, что не собираюсь. В те годы я об этом даже не помышлял (хотя у меня в группе чуть ли не каждый открыто заявлял, что непременно писателем станет). Услышав такой

ответ, она, похоже, утратила ко мне всякий интерес. Не то чтоб он у нее ко мне был, но всё же.

Как-то странно было видеть при ярком свете полотенце с четкими следами зубов. Она, похоже, впивалась в него рьяно. Днем даже трудно вообразить, что маленькая худенькая женщина с землистым лицом способна на *такое*: при лунном свете, в моих объятиях кричать так страстно.

— А я сочиняю танка, — вдруг ни с того ни с сего произнесла она.

— Танка?

— Знаешь, что это?

— Конечно.

Я мало что смыслил тогда в жизни, но что такое танка, разумеется, знал.

— Хотя, если хорошенько подумать, человека, сочиняющего танка, вижу впервые.

Она радостно рассмеялась.

— Как видишь, и такие существуют.

— Ты в каком-нибудь литературном кружке?

— А при чем тут? — ответила она, слегка пожав плечами. — Танка можно и просто так сочинять, разве нет? Это ж не баскетбол.

— О чем пишешь?

— Хочешь послушать?

Я кивнул.

— Серьезно? Или ты это так, разговор поддерживать?

— Серьезно, — ответил я, не кривя душой. Мне действительно захотелось узнать, о чем пишет стихи женщина, которая накануне, тяжело

дыша в моих объятиях, выкрикивала имя другого мужчины.

Она замялась.

— Прямо сейчас я не могу, как-то неловко. К тому же утро. Но у меня вышло что-то вроде сборника. Если тебе правда интересно, могу прислать. Только запиши мне имя и адрес.

Я написал их на листке из блокнота и отдал ей. Она прочла, свернула бумажку вчетверо и сунула в карман пальто — изрядно поношенного, светло-зеленого. Рядом с круглым воротником на нем была приколата серебристая брошь — ландыш. Помню, как ослепительно сверкала она в лучах солнца, лившихся в мое южное окно. Я совсем не разбираюсь в цветах, но почему-то именно ландыши нравятся мне с детства.

— Спасибо за приют. Мне правда не хотелось одной возвращаться в Коганэи. Серьезно, — сказала она, уже выходя из квартиры. — У девчонок иногда такое бывает.

Мы оба прекрасно понимали, что вряд ли увидимся вновь. Просто в ту ночь она не хотела возвращаться одна в Коганэи, только и всего.

Через неделю по почте пришел сборник стихов. Если честно, я и не надеялся его получить. Мне казалось, что женщина та, расставшись со мной, забудет, даже как меня зовут, пока доедет до Коганэи (или хотя бы постарается сделать это как можно скорее). А уж тем более вряд ли станет тратить на меня время: класть сборник

в конверт, писать на нем адрес и имя, — и деньги на марку, опускать в почтовый ящик, а то и на почту идти. Поэтому, обнаружив как-то утром в ящике конверт, я очень удивился.

Назывался сборник «К каменной подушке», имя автора — просто «Тихо». И не поймешь, настоящее это имя или псевдоним. На работе мне приходилось несколько раз слышать, как обращались к той женщине, но вспомнить имя теперь я не мог. Хотя был уверен в одном: звали ее не Тихо. На простом канцелярском конверте светло-коричневого цвета имя и адрес отправителя не значились, внутри — ни письма, ни открытки: лишь тоненький сборник стихов, сшитый чем-то похожим на бечевку от воздушного змея. Но отпечатано не на mimeографе, а красивым типографским шрифтом. Бумага — плотная, качественная. Возможно, она сама укладывала по порядку страницы, вставляла их в картонную обложку и старательно сшивала каждый экземпляр бечевкой, чтобы сэкономить на типографском переплете. Я попробовал представить, как она все это кропотливо делает, но ничего у меня толком не вышло. На первой странице значился номер «28», оттиснутый нумератором: наверняка это 28-й экземпляр коллекционного издания. Интересно, какой вообще был тираж? Цена нигде не указывалась — может, ее и вообще не было.

Я не стал тотчас открывать этот сборник, а положил на стол и время от времени поглядыва-

вал на обложку. Вовсе не оттого, что мне было неинтересно, просто я понимал: нужно себя настроить, чтобы прочесть чей-то сборник стихов, — тем более, если этот кто-то всего неделю назад лежал в твоих объятиях. Хотя бы из вежливости. Сборник в руки я взял и открыл первую страницу только под конец недели. Прислонившись к стене у окна, в свете зимнего вечера я прочел те стихи. Там их было 42, по одному на каждую страницу сборника. Это немного. Ни предисловия, ни послесловия не было. Даже не стояла дата публикации. Просто на белых страницах с широкими полями — строчки, напечатанные прямым черным шрифтом.

Конечно, шедевров там я не ждал. Говорю же, у меня был к этим стихам личный интерес. Какие танка пишет женщина, кричавшая мне в ухо чье-то имя? Однако, просматривая сборник, я поймал себя на том, что некоторые стихи мне нравятся по-настоящему.

О танка я почти ничего не знал (как и сейчас, в общем-то, не знаю), поэтому судить объективно, какой из стихов по канонам жанра превосходит, а какой не очень, я не могу. Но если не ставить им оценок, несколько — если быть точным, восемь — *как-то* запали мне в душу.

Вот два, например:

Нынче настало
 Нынешнее «сейчас» — миг,
 Который надо

Сделать неотвратимым
И считать его таким

Ветром с гор снесло
Цветку голову напрочь
Без объяснений —
Водицы бы июньской
Под корень гортензии

Как ни удивительно, стоило мне открыть сборник, пробежать глазами по крупному шрифту черных строк, а потом прочесть некоторые вслух — и, представьте, в памяти у меня ожил облик той женщины, какой она увиделась мне в ночь нашей встречи. Не та невзрачная фигура, какой она предстала мне наутро, а ее тело в лунном свете, с сияющей кожей, которое я ласкал. Идеально округлые груди, маленькие твердые соски, редкие черные волоски на лобке, влажное от страсти лоно. В оргазме она, изо всех сил закусив полотенце, закрыв глаза и тяжело дыша, вновь и вновь старалась выкрикнуть мне имя другого мужчины. Какое-то заурядное имя. Уже и не вспомню какое.

Полагая, что
Мы больше не встретимся,
Также считаю:
Ничто не помешает
И нашим новым встречам

Свидимся или
Всё так и закончится,
Как у нас сейчас:

Я приманена светом
И растоптана тенью

Пишет она по-прежнему танка или нет, я, конечно, не знаю. И, как уже говорил, понятия не имею, как ее зовут, а лицо вряд ли смогу описать. Помню я лишь имя на титульном листе — «Тихо», помню беззащитное мягкое тело, скользкое в белесом лунном свете из окна, и две маленькие родинки сбоку от носа, похожие на созвездие.

Возможно, она уже умерла. Приходит мне и такая мысль. Иногда ни с того ни с сего начинает казаться, что она в какой-то миг взяла и покончила с собой. В ее стихах — по крайней мере, во многих танка из того сборника — вне всякого сомнения можно увидеть и образ смерти. При этом почему-то голова непременно отсекается клинком. Возможно, для нее то был особый способ умереть.

За стеной дождя
Льющего без продыху
С самого утра
Безымянным топором
Сумеркам рубят шею

Но в глубине души я надеюсь, что она все еще жива где-то на белом свете. Нет-нет да и подумаю: вот бы она по-прежнему сочиняла стихи... С чего бы это? Почему снова и снова я возвращаюсь к этой мысли? Нас с нею ничего

не связывает. Столкнись мы на улице или окажись за соседними столиками в ресторане, вряд ли узнаем друг дружку. Наши две прямые вдруг сошлись в какой-то точке — а потом их снова развело.

С тех пор прошло немало лет. Как ни странно (а может, и вовсе это не странно), человек стареет так, что и глазом моргнуть не успеешь. Тела наши бесповоротно, с каждым часом все ближе к гибели. Закроешь глаза, чуть погодя вновь откроешь, а многое уже — позади. Порывами ночного ветра всё — есть ли у него название, нет ли — сметается куда-то бесследно. Остается лишь слабое воспоминание. Хотя нет, на память тут лучше не уповать. Кто может утверждать однозначно, что́ когда-то произошло с нами *на самом деле*?

И все же, если повезет, случается так, что при нас остаются отдельные слова. Поздно ночью они взбираются на холм, ныряют в ямку, вырытую специально для каждого, и затаиваются там. Благоразумно пережидают ветер, пока тот буйствует. А после наконец рассветает, и, как только порывы ветра стихнут, выжившие слова украдкой выбираются наружу. У них, как правило, тихий голос, они застенчивы, и часто не сразу поймешь, что́ там они бормочут. Но даже так они готовы давать показания, как честные и неподкупные свидетели. Однако чтобы создать или же отыскать и оставить на потом эти выносливые слова, нам порой требуется безо-

ворочно принести в жертву не только свое тело, но и душу. Да, положить голову на холодную каменную подушку, освещенную зимним лунным светом.

Возможно, уже никто на свете, кроме меня, и не помнит ее стихи — мало того, не смог бы прочесть ни одно *по памяти*. А тонкий сборник, который кто-то издал сам и сшил бечевкой от воздушного змея, ныне всеми забыт, и все до единого экземпляры кроме *двадцать восьмого* рассеялись, исчезли, поглощенные духовным *затмением* где-то между Юпитером и Сатурном. А может, и она сама (если только еще жива) даже не припоминает те танка, что сочиняла в молодости. Я и сам помню ее стихи по сей день, возможно, лишь потому, что они у меня в памяти связаны со следами от зубов на полотенце, оставленными той ночью. И в том, что я до сих пор храню все это в памяти, достаю иногда из ящичка стола и перечитываю тот пожелтевший от времени сборник стихов, я не вижу ни смысла, ни проку. Признаться, я и впрямь не понимаю, зачем это делаю.

Однако, как бы там ни было, они остались. А все остальные слова и мысли, став прахом, исчезли.

Тем, кто бросает,
И тем, кого бросают,
Стоит припасть лишь
К каменной подушке — и
Все становится прахом

Крем

Рассказываю младшему товарищу об одном странном случае, который произошел, когда мне было восемнадцать. Почему о нем зашла речь, даже не помню. Скорее всего, просто пришло в голову между прочим. Так или иначе, мои восемнадцать — это очень давно, практически история древнего мира. Да и никакого вывода из того случая сделать невозможно.

— К тому времени я уже окончил школу, но в институт с первого раза не поступил. Был, так сказать, вольным абитуриентом, — для начала пояснил я. — Настроение так себе, но меня это не смущало, ведь поступить в частный университет я мог запросто. Но родители настаивали на государственном, и я, хоть и понимал, что это тщетно, на экзамены сходил — и, как ожидалось, провалился. В те годы среди обязательных экзаменов в государственные вузы была математика, а я не питал ни малейшего интереса к интегралам и дифференциалам. И поэтому целый год мне пришлось убивать время, но при этом я как бы создавал себе что-то вроде алиби. На

подготовительные курсы не ходил, зато не вылезал из библиотеки, где зачитывался толстыми романами. Родители наверняка считали, что я там готовлюсь к повторной попытке. Да и ладно — чем изучать основы исчисления, мне было куда интересней читать от корки до корки полное собрание сочинений Бальзака.

В начале октября того года я получил от одной девчонки пригласительный билет на фортепианный концерт. Девчонка была на год младше меня и брала уроки музыки у того же учителя, что и я. Лишь раз мы вместе сыграли в четыре руки одну пьеску Моцарта. В шестнадцать лет я забросил пианино и с девчонкой больше не виделся, а потому и совершенно не понимал, с чего это она вдруг пригласила меня на концерт. Она что, мной интересуется? Да не может такого быть! Симпатичная, конечно, но все-таки не в моем вкусе: она всегда одевалась с иголки и ходила в элитную частную школу для девочек. Такие не западают на простых и неприметных парней вроде меня.

Когда мы с нею репетировали, она недовольно морщилась, стоило мне сделать какую-нибудь ошибку. Играла она лучше меня, а я зажимался и то и дело попадал не по тем клавишам. Бывало, мы даже локтями сталкивались. Мелодия была не из трудных, а мне досталась еще и та партия, что полегче. Каждый раз девчонка бросала на меня взгляд, говоривший: «Ну сколько можно!» —

а иногда очень тихо, но все равно слышимо цоккала языком. Те щелчки языком я помню до сих пор. Оттого-то, наверное, и бросил пианино.

Так или иначе, общим у нас были только занятия музыкой. Встречаясь перед уроком, мы здоровались, но не припомню, чтобы о чем-то болтали. Поэтому приглашенный билет на ее концерт (а выступала она не одна — там играло еще двое пианистов) стал для меня событием неожиданным, даже интригующим. Однако времени в тот год у меня было хоть отбавляй, поэтому первым делом я отправил открытку-ответ¹, в которой принимал ее приглашение. Среди прочего мне хотелось выяснить, чего ради (если ради *чего-то*) она вдруг пригласила меня на свой концерт. Хотела мне показать, насколько прибавила в мастерстве? Или же собиралась что-то сообщить мне при встрече? В общем, можно сказать, я решил любой ценой утолить собственное любопытство.

Концерт проводили в местечке на вершине одной горы в Кобэ. Выйдя на станции ** линии Ханкю, я должен был пересесть на автобус, ко-

¹ Двойная открытка принята в Японии для проведения опросов: участие в мероприятии, свадьбе и т. п. Открытка стандартного формата печатается сдвоенной и с перфорационным разрезом. На обратной открытке указан адресат и наклеена марка. Получателю двойной открытки требуется подчеркнуть нужное и отправить вторую половину обратно.

торый поднимался по крутой извилистой дороге. От остановки рядом с вершиной мне потом требовалось немного пройти до небольшого концертного зала, которым владел некий финансовый клан. Прежде я и не знал, что на вершине горы в таком неудобном месте, посреди тихого квартала роскошного жилья, есть концертный зал, — но в мире оставалось еще немало такого, о чем я даже не догадывался.

Я подумал: раз меня пригласили, с пустыми руками приходить негоже, — и в цветочном магазине перед станцией выбрал несколько цветков, из которых мне составили букетик. Когда тот был готов, как раз подошел автобус, я сел и поехал. Пасмурное холодное воскресенье. Все небо затянуто густыми мрачными тучами, вот-вот польет ледящийся дождь. Но ветра нет. На мне были тонкий одноцветный свитер и серый с синим пиджак в елочку, через плечо — холщовая сумка. Пиджак был слишком новым, сумка — слишком потертой. В руке я держал букетик ярко-красных цветов в целлофане. Немудрено, что все пассажиры украдкой поглядывали на меня — в таком-то виде. Или же мне просто так казалось. Но я почувствовал, как весь заливаюсь румянцем. В ту пору я часто краснел по любому поводу. И краснота эта не сходила подолгу.

«Что я вообще здесь делаю?» — спросил я себя, сгорбившись на сиденье и стараясь остудить ладонями пылающие щеки. Концерт мне особо не интересен, девчонку эту я видеть не очень

рвался — но я уже истратил карманные деньги на целый букет и теперь, в ноябрьский воскресный полдень, когда вот-вот хлынет дождь, тащусь на вершину какой-то горы. О чем я думал, когда опускал в почтовый ящик ответ?

По мере того, как автобус взбирался по склону, пассажиров в нем становилось все меньше, и когда я добрался до нужной остановки, мы остались только вдвоем с водителем. От остановки, сверяясь со схемой на открытке, я пошел дальше вверх по некрутой улочке. С каждым поворотом вид на порт внизу то открывался, то вновь пропадал. Там виднелись ряды кранов. От туч море сделалось тусклым, будто его покрыли свинцом, и торчавшие в пустоту краны казались негнушимися рогами каких-то неуклюжих существ, выползших с морского дна.

Чем дальше я шел, тем богаче и крупнее становились дома. Каждый высился над великолепной каменной стеной, у каждого — ворота и гараж на две машины. Аккуратно пострижены кусты азалии. Где-то невдалеке залаяла крупная собака. Громко гавкнула три раза — и тут же умолкла, будто бы ей строго приказали.

Я поднимался по склону, поглядывая на номера кварталов и сверяясь с простенькой схемой на открытке, — и чем дальше я шел, тем больше у меня внутри нарастало смутное неприятное предчувствие. Как-то странно: здесь слишком мало людей. После того, как сошел с автобуса, я не встретил ни одного прохожего. Проехали

только две легковушки, но обе — сверху, мне навстречу. Если концерт действительно где-то здесь, людей могло бы оказаться и побольше. Но вокруг ни души, тишина и покой. Как будто густые тучи сверху впитали в себя все возможные звуки до единого.

Может, я чего-то не понял?

Достав из кармана пиджака приглашение, я еще раз проверил место и время. Вдруг я ошибся и неверно прочел адрес? Но как бы внимательно ни перечитывал, все оставалось верно. Совпадали названия и улицы, и остановки, дата и время — тоже. Чтобы успокоиться, я поглубже вздохнул, а затем пошел дальше. Сейчас можно только отыскать сам зал.

Добравшись до нужного здания, я увидел, что железные ворота перед ним закрыты. Створки скрепляла цепь, на ней висел огромный замок. Вокруг — никого. Сквозь щель между створками виднелась просторная парковка, а вот машин на ней не было ни одной. Между брусчаткой пробивалась сорная трава: судя по всему, сюда уже очень давно никто не заезжал. При этом табличка на воротах подтверждала, что я попал куда нужно, — это и есть концертный зал.

Я нажал на кнопку домофона у ворот, но мне никто не ответил. Подождав немного, нажал еще раз. Опять тщетно. Я бросил взгляд на часы. До предполагаемого начала концерта оставалось пятнадцать минут, а ворота, похоже, открывать никто и не собирался. На железных

створках местами облезла краска, начинала проступать ржавчина. Что делать, я не придумал, и на всякий случай нажал на кнопку еще разок, на этот раз держал на ней палец подольше. В ответ снова то же — глубокая тишина.

Я не знал, что делать, и потому, прижавшись к тяжелой железной створке, простоял так минут десять. Меня не оставляла слабая надежда, что вот-вот кто-нибудь появится. Но никто так и не появился. Ни с той стороны ворот, ни с этой. Ветра нет, птицы не поют, собаки не лают. Над головой все по-прежнему затянуто серыми беспросветными тучами.

Тут я наконец сдался — а что еще мне было делать? — и в расстроенных чувствах зашагал обратно по той же дороге к автобусной остановке. Очевидным во всем этом для меня было только одно: никаким фортепианным концертом здесь сегодня и не пахло. Оставалось лишь вернуться домой с букетиком красных цветов. Наверняка мама спросит: «Что за букет?» — и придется как-то выкручиваться. Хоть выкидывай в мусорку на станции, но букет стоил (разумеется, для меня) немалых денег, и я не мог так с ним поступить.

Немного спустившись, я заметил у дороги маленький парк — размером примерно с один участок. В глубине его высилась скальная стена. Не парк, а одно название — ни фонтанчика там, ни детских качелей. Лишь в середине крохотная беседка с четырехгранной крышей. Стены у нее были из косой решетки, все заросли плющом,

вокруг кусты, к ней ведет вымощенная камнем дорожка. Для чего разбили этот парк, непонятно, но кто-то за ним регулярно ухаживал: деревья и кусты аккуратно пострижены, сорняки выполоты, мусора нет. По пути наверх я этого парка даже не заметил.

Чтобы собраться с мыслями, я свернул в него и сел на скамейку в беседке. Еще мне хотелось посмотреть, что произойдет дальше (вдруг откуда ни возьмись появятся люди), но стоило присесть, как на меня навалилась жуткая усталость. Странное дело: она как будто копилась давно, а я ничего не замечал и только теперь до меня это наконец дошло. Из беседки порт был виден как на ладони. У пирсов стояло несколько огромных контейнеровозов, и с высоты прямоугольные железные контейнеры казались крохотными коробочками, какие ставят на рабочий стол под мелочь и скрепки.

Вскоре издалека послышался человеческий голос. Правда, не естественный, а из громкоговорителя. О чем говорилось, мне расслышать не удалось — я только понял, что он вежливо, но без эмоций произносит отдельные фразы. Так обычно делают важное сообщение, стараясь говорить по возможности объективно, без всякой интонации. Мелькнула мысль: а вдруг это личное сообщение для меня — меня одного? Кто-то специально объясняет, в чем была моя ошибка, что я упустил из виду. Если рассуждать здраво, такого быть не может, но тогда мне так отчето-

то показалось. Я прислушался. Голос постепенно усиливался и становился отчетливее. Наверняка громкоговоритель прикрепили на крышу машины, а сама она медленно, никуда особо не торопясь, поднималась по склону. Вскоре я понял, что это машина проповедников христианства.

— Все люди смертны, — спокойно и монотонно вещал голос. — Каждый человек когда-нибудь умрет. В этом мире бессмертных людей не существует. Всех ждет Божий суд. Каждому из нас после смерти предстоит ответить за содеянные грехи.

Не вставая со скамейки, я все это слушал и с удивлением думал: какой смысл проповедовать в безлюдном жилом квартале на горе? Здесь живут сплошь богачи, в каждом доме по несколько машин. Большинство вряд ли жаждет спасения от грехов. Разве не так? Или же доход и положение в обществе никак не связаны с грехами и спасением?

— Однако те из нас, кто обратятся к Христу и покаются за содеянные грехи, получают прощение от Всевышнего. Они смогут избежать адского огня. Поэтому уверуйте в Бога. Только те, кто верят в Него, получают посмертное спасение и смогут получить вечную жизнь.

Я ждал, что на дороге у меня на виду вот-вот появится эта миссионерская машина и подробно мне поведаст о посмертном суде. Мне сгодились бы любые слова, главное — чтобы их

произносили энергично и четко. Но машина так и не возникла. Казалось, голос из динамика становится громче, однако вдруг он стремительно ослаб, стал неразборчив и вскоре пропал вовсе. Наверняка где-то машина свернула не в мою сторону и куда-то уехала. А я ощутил себя брошенным на окраине этого мира.

Вдруг до меня дошло: та девчонка скорее всего меня *провела*. Неизвестно, откуда в голове у меня возникла эта мысль. Нет, даже не мысль — я это почуял *интуитивно*. Почему-то (интересно узнать почему) она намеренно скормила мне ложную информацию и затащила в воскресный день на вершину горы. Видимо, из-за чего-то рассердилась на меня когда-то и с тех пор ненавидит. А может, и нет никакой причины — я ей просто не нравлюсь. Вот она и прислала мне приглашение на несуществующий концерт и самодовольно ухмыляется, представляя, как я одурачен. Или даже хохочет.

Однако неужели просто со зла человек может устроить кому-то настолько тщательно спланированный розыгрыш? Отпечатать открытку — одно только это уже хлопотно. Разве человек может так ожесточиться? Не помню, чтоб я чем-то вызвал у нее такую ненависть. Однако бывает, что человек может испортить кому-то настроение, задеть за живое, упасть в чьих-нибудь глазах, сам того не заметив. Я задумался о том, что могло вызвать *предполагаемую* ненависть, ве-